

фольклорный потенциал. Изучение этой коллекции требует серьезной коллективной работы этнографов, историков и фольклористов, так как в ходе фотофиксации Беликов записывал частушки, приговоры и песни жителей Северо-Запада России, сохранившиеся в его дневниках.

Библиография

Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. VIII, IX, X. СПб., 1884–1885.

Мурашева Н.В. Мыслина Л.П. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. СПб., 2009.

Очерки истории России. Первая четверть XVIII в. М., 1954.

Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 2002.

Известия Центрального бюро краеведения. 1927. № 3.

Седова Н. Моя любовь у вас в Невском... // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. № 089.

Советское краеведение. 1930. № 10.

Щербович С.М. Этот знакомый и незнакомый Кировский район. СПб., 2006.

А. К. Салмин, А. И. Терюков

Кунсткамера: 1747 год

Статья является продолжением темы «Первая коллекция одежды народов Волго-Камья». Коллекция находилась в Кунсткамере ровно 20 лет — с 1727 по 1747 г. Затем она погибла в пожаре 1747 г., но сохранились точные рисунки многих экспонатов [Салмин, Терюков 2010; Терюков, Салмин 2010].

Под Волго-Камьем мы подразумеваем крупный регион, охватывающий бассейны рек Волги и Камы, где проживают марийцы, мордва, татары, удмурты и чуваша. Традиционная культура этих народов или имеет прямое отношение к наследию Волжской Булгарии, или испытала ее сильное влияние. Общность культуры сформировала много общего и в одежде этих народов. Чем ближе исторически мы приближаемся ко времени существования Волжской Булгарии, тем больше общего. Поэтому самые ранние образцы костюма народов Волго-Камья очень важны.

Известно, что в коллекциях Кунсткамеры XVIII в. имелись образцы одежды народов Волго-Камья. Самые ранние экспонаты оказались здесь в результате академических экспедиций в Сибирь во втором и третьем десятилетиях XVIII в. Если учесть, что вещи были изготовлены в тот период, а часто и ранее, то можно говорить об образцах одежды по крайней мере второй половины XVII в. Более ранних свидетельств об одежде народов Волго-Камья пока не обнаружено. В Кунсткамере до пожара хранились вещи этнографического характера и предметы археологического плана, добытые на территории Волжской Булгарии. Так, в Каталоге Ивана Тауберта от 1748 г. под № 65 («Шкап XXII») записано: «Семь кусков каменных разноцветных вырыты на кладбище в разоренном месте в Булгарии» (РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 2247. Л. 85).

Первоначально коллекция экспонатов музея была зарисована в количестве не менее 4000 листов. На сегодняшний день из них обнаружено более двух тысяч рисунков [Кистемакер и др. 2003: 10]. Теперь исследователи пытаются выяснить, где, кем и когда выполнялись эти рисунки. Рассматриваются три локуса: 1) в поле во время экспедиции самими собирателями; 2) позднее в Петербурге в бывшем дворце царицы Прасковьи Федоровны или 3) в самом здании Кунсткамеры.

За редким исключением авторы рисунков не оставляли ни свои фамилии, ни подписи. Однако по составленным тогда рукописным и опубликованным каталогам экспонатов, а также по сохранившимся в архивах рисункам можно с определенной долей вероятности провести реконструкцию музейных шкафов с выставленными предметами.

Рассматриваемую проблему следует решать в широком контексте обстоятельств в Кунсткамере. Здесь очень важны и личности, и взаимоотношения между сотрудниками, и сложившиеся ситуации в Академии наук. Но в центре внимания остаются вещи, составлявшие коллекцию первой выставки одежды народов Волго-Камья, а также рисунки этих вещей.

Женская рубаха из холста с вышивкой. Чуваши. В книгу Musei Imperialis Petropolitani этот номер не вошел. В правом нижнем углу тушью: 23. Внизу на всю ширину листа: *девятой кунить сего платья приложенъ для того что оставшия четыре кафтана принятых из комисіи из тех одинъ переправленъ или внове зделан кои обшиты разными лентами не против натуры.* Выше справа карандашом: *черемисы?* Акварель, тушь, кисть, перо. Размеры: 470×295 мм. Источник: ПФ Архива РАН. Р. IX. Оп. 4. Ед. хр. № 432.

Пожар. В ночь с 4 на 5 декабря вскоре после полуночи в Кунсткамере на правом флигеле на потолке под кровлей над рисовальной палатой случился пожар. Историки Кунсткамеры, как правило, обходятся фразой, что причиной несчастья послужила неисправность печи и трубы. Однако объяснительные записки абсолютно всех сотрудников Кунсткамеры, составленные уже на следующий день после пожара, отвергают такое подозрение. Свидетели в один голос говорят, что «печи в рисовальном и других палатах были твердые, и трубы чищены с недели до того» (РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 112. Л. 35). Печь была топлена 4-го числа, а в 4 часа пополудни была совсем закрыта. Дневальный ученик рисовальной палаты и истопник утверждали, что «от печи никаким образом тому пожару произойти невозможно». Но буквально за час до обнаружения пожара в Кунсткамере произошло следующее. С вечера до полуночи на карауле у входа в здание стоял солдат Михайло Телной. Около полуночи в Кунсткамеру пришли рисовальщики студент Василий Кузнецов и ученик Дмитрий Красилов. У них с собой был фонарь. Они пробыли на башне около часа и рисовали. При этом темное помещение освещали фонарем, для чего в фонарь ставили горящую свечу. Когда они выходили, на карауле уже стоял солдат Евсей Ленин. При допросе этот часовой вспомнил слова ученика, сказанные при выходе из здания Кунсткамеры «на первой по полуночи часе» о том, что тот почувствовал запах гари. Но часовой не счел нужным подняться и проверить (РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 112. Л. 37–41). А после пожара этот сторож и вовсе «пропал безвестно» [Биларский 1865: 062].

Кроме того, к этому времени в Кунсткамере был полнейший беспорядок в смысле обстановок в рабочих кабинетах. Причину неразумного размещения сотрудников, мебели и инструментов описал биограф М.В. Ломоносова академик П.С. Биларский. Иоанн Шумахер, желая причинить беспокойство своим соперникам (прежде всего Михаилу Ломоносову и Андрею Нартову), посоветовал перенести Канцелярию АН в Рисовальную и Гравировальную палаты. Мастера и их многочисленные инструменты были разведены по углам. После пожара пошли разные слухи, также направленные на обвинение неугодных лиц. Якобы печи были неисправны, будто близ трубы лежало бревно, кое от топки и загорелось. Поговаривали и о поджоге [Биларский 1865: 062].

Таким образом, в поиске причины пожара мотив неосторожного использования фонаря со свечой в беспорядочных палатах выглядит более правдоподобным, чем вполне исправные печь, труба и земляная насыпь вокруг печи.

Пожар привел к потере большей части уникальных коллекций музея. На следующий день Иоганн Шумахер и Иван Тауберт в рапорте Президенту АН графу К.Г. Разумовскому, в частности, отмечали, что «згорели разные китайские вещи, платья Сибирских разных народов и идолы, бубны и оных подобные вещи» (РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 112. Л. 15 об.; № 842. Л. 187–188). Среди них оказались и образцы одежды народов Волго-Камья. Но, к счастью, остались прекрасные и точные рисунки, выполненные как самими собирателями, так и мастерами Рисовальной палаты Петербургской Академии наук, ибо папки

с этими рисунками хранились на первом этаже, наименее пострадавшем от пожара.

Стремясь оценить ущерб и составить точный список утраченных предметов, Канцелярия Академии наук 11 декабря сделала распоряжение о наискорейшей подаче ведомости от Библиотеки и Кунсткамеры об утраченных в Академических палатах книгах и вещах. Однако составление такой ведомости оказалось сложным из-за разброса вещей. Например, в рапорте от 11 декабря 1747 г. живописец Академии наук Иоанн Беркхан по поводу пожара писал, что из Рисовальной палаты вынесен ящик с разными рисунками в количестве 237 штук. В числе спасенных оказались, в частности, «30 рисунков разных Сибирских народов деланных красками, 27 рисунков тех же народов тушевыми, 7 рисунков платья Сибирских народов» (РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 112. Л. 76). В данном случае речь идет о спасении тех рисунков, которые ныне хранятся в Архиве РАН в Санкт-Петербурге. Лишь в июле 1748 г. полный список потерь и разъяснение к нему был составлен и подан асессором и унтер-библиотекарем Кунсткамеры Иваном Таубертом (РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 2247. Л. 1–1 об.). В этом Каталоге, приложенном к его рапорту в Канцелярию Академии наук, упоминается еще ряд предметов, которых следует отнести к народам Поволжья. Например, в разделе «III. Идолы, статуи и другие подобные фигуры. Шкап XIV» под № 4 значится: «Ящичек, в котором стоят два идола деревянные лоскутьями холстинными обитые с прорезью крышкою, сквозь которую видны головы оных идолов». Мы допускаем, что здесь может идти речь о тряпичных фигурках чувашских или ханты-мансийских божеств, помещаемых в короб. То же самое можно утверждать и о записи под № 15: «Идол ис пестряди сшитой». В «Шкапе X» под № 146 значится: «Головной убор мордовских женщин с бисером с змиенными головками с шелехами с медными колокольчиками и с прониками» (РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 2247. Л. 70–70 об., 98–98 об.).

Место хранения рисунков. Хранились рисунки с экспонатов Кунсткамеры в 58 коробках на первом этаже в зале Кунсткамеры под шифром «УУ» [Musei 1741: 97–98]. На планах об этом кабинете написано: «Миниатюрные водяными красками сделанные картины и при том оригинальные рисунки всем в Кунсткамере находящимся вещам» (РАН. Р. XII. Оп. 2. № 12. Л. 23). Они были выполнены на бумаге разного формата и разной плотности. Некоторые — нестандартные, с неровными краями, а иногда и просто с порванными углами и краями. Часть из них сильно испачкана. Срисовываемые вещи чаще всего подвешены на случайные гвозди. Все это говорит о том, что рисунки выполнялись не в соответствующих академических условиях. Сюда же можно добавить факт анонимности (т.е. отсутствие подписей рисовальщиков) рассматриваемых рисунков. В целом рисунки выполнены на высоком профессиональном уровне. Они точно передают все пропорции, детали и колорит. Следует подтвердить высказывание Л.Р. Павлинской о том, что рисунки представляют своего рода «фотокаталог» [Павлинская 2003: 255].

В 1922 г. часть рисунков (571 лист из шести папок-футляров) взял академик И.А. Орбели под расписку во временное пользование сроком на три месяца в

Эрмитаж. В Архиве РАН сохранилась опись этих рисунков, переданных в Государственный Эрмитаж 12 декабря 1922 г. сроком на три месяца (РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1922 г.). № 6). Она занимает 11 листов и представляет собой подробный список, отражающий надписи на рисунках. Например: «Папка № 146 (надпись на фронт. стор.). Лист 3, 1 рис. акварелью. М. Р., р. 98 Mordwin (каранд.), Scr. X, п. 87; Лист 104. 1 лист, рис. аквар. Черемисы? (каранд.); объяснение (мало разборч.); 23 (в ниж. прав. углу)» и т.д.

Источники

РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 112 — Канцелярия Императорской Академии наук. 1747–1750 гг. 517 л.

РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 842 — Канцелярия Императорской Академии наук. 1744–1747 гг. 192 л.

РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 2247 — Тауберт Иван. [Каталоги всем вещам и книгам, которые в пожаре 5 декабря 1747 г. в Кунсткамере сгорели и исчезли]. Июль 1748 г. 120 л.

РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1922 г.). № 6 — МАЭ РАН: Описи рисунков предметов Кунсткамеры, находящихся в шести папках-футлярах в МАЭ РАН, с расписками акад. И.А. Орбели в получении их во временное пользование в Эрмитаж. 1922 г. 11 л.

РАН. Р. IX. Оп. 4. № 1–760 — Рисунки предметов, хранившихся в Кунсткамере в XVIII в.

РАН. Р. XII. Оп. 2. № 12 — Собрание гравюр (с гравированных досок) XVIII в. 64 л.

Библиография

Биларский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.

Кистемакер Р.Э., Копанева Н.П., Мейерс Д.Й., Вилинбахов Г.В. Введение // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук: 1725–1760. Т. I. СПб., 2003. С. 5–15.

Павлинская Л.Р. Рисунки коллекций Петербургской Кунсткамеры XVIII в. с предметов культуры народов Сибири и Поволжья // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук: 1725–1760. Т. I. СПб., 2003. С. 253–256.

Салмин А.К., Терюков А.И. Первая музейная коллекция одежды народов Волго-Камья в Кунсткамере Санкт-Петербургской Академии наук // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2010. Вып. 3. С. 42–51.

Терюков А.И., Салмин А.К. Первая коллекция одежды народов Волго-Камья // Радловский сборник. СПб., 2010. С. 158–162.

Musei Imperialis Petropolitani. Vol. II. Pars prima qua continentur res artificiales. Petropolitana, 1741. 796 p.

М. В. Хартанович

Манекены Кунсткамеры Петербургской Академии наук конца XVIII в.

Проблема истории создания манекенов для экспозиции Кунсткамеры Петербургской Академии наук конца XVIII в. была поставлена историком Кунсткамеры Т.В. Станюкович в работе «Кунсткамера Петербургской Академии наук» [Станюкович 1953: 161]. На сегодняшний день представилась возмож-